

стей герои обоих произведений появляются при дворе в блестящих и драгоценных одеждах⁹ и поражают этим присутствующих.

Однако несмотря на близость основной идеи повести о Василии Кириацком и «Истории о некоем шляхецком сыне» следует отметить в последней большую заостренность идейного замысла: то, что в повести о Василии Кириацком рассказано как частное явление (простой матрос стал флоренским королем), в «Истории о некоем шляхецком сыне» возведено в большую социальную проблему («по науке засесть место»), разрешающуюся трагически.

Можно отметить точки соприкосновения между «Историей о некоем шляхецком сыне» и другими оригинальными повестями первой половины XVIII в. В «Истории о Александре, российском дворянине...» герой произведения также выделяется среди «ковалеров» «красотою лица и остростью ума». Александр и его возлюбленная Тирра, так же как и «шляхецкий сын» с цесаревной, подтверждают свои любовные признания письмами, написанными кровью.¹⁰ Тирра, как и цесаревна, над мертвым телом Александра «мечем ся пронзила».¹¹

Возможно, что эта связь — следствие знакомства обоих авторов с каким-то третьим источником, в котором были эти компоненты, ибо идейной близости между этими двумя произведениями отметить нельзя.

Один эпизод «Истории о некоем шляхецком сыне» живо напоминает повесть о Ярополе царевиче. Речь идет о появлении «шляхецкого сына» при дворе английского короля, когда он поражает всех присутствующих своим умом (он сказал «похвалу с прилогом древним историей сладкоречиво»), красотою и игрою на арфе: «Он же пришед, взя арфу и направил, толь играл сладко, спевал многие амурные любительныя спевания, что не жели от предстоящих дам ум умрачен тогда был. Ко́й мужеска полу, всех на любление и на зрение до себя привел и похоть огня во всех так возжег, что уже были бы растаеватися их крепости. Из дамских жен персонь та-коже пот излился. Что познав, и престал на арфе играть и спевать» (л. 276).

В повести о Ярополе царевиче соответствующий эпизод передан так: дядя Яропола царевича Агар, обращаясь к племяннику от имени короля, просит, чтобы он «поиграл и увеселил... всех гостей. Слыша царевичь ужасеся: «что сие глаголет дядя мой аз когда я игривал? и когда сему учился?.. И принесоша арфу, и Агар даде арфу царевичу и показал ему как ступать, и перетить по струнам, и как ходить по ступеням. Я взя царевичь арфу, и стал играть и воспевать концерты всеми удивительно, и поидоша тонцевать прекрасныя девицы, и так танцевали, что и сорочки их хотя выжми от поту их»».¹²

Из сравнения видно, что текст этого эпизода в повести о Ярополе царевиче вторичен по сравнению с текстом «Истории», ибо в первой игра на арфе оказывается результатом «чуда», которое производит Агар, мгновенно научивший племянника игре на инструменте. В «Истории о некоем шляхецком сыне» автор не ставит под сомнение умение героя играть на арфе. Таким образом, можно полагать, что в повести о Ярополе царевиче

⁹ В Цесарии Василий Кириацкий появился, «убравшись в драгоценное платье, великия лучи от него сияют». «Шляхецкий сын» в Англии «зделал себе два убора весьма богаты: первой златой з драгоценным камением, второй серебряной з бриллантом» (л. 286).

¹⁰ «Ежели мою верность чрез присягу видеть вы хотите, прошу и вы ровно учините, и со стороны кровию каждой своим писмом утвердим» (В. В. Сиповский й. Русские повести XVII—XVIII вв., стр. 152).

¹¹ В. В. Сиповский й. Русские повести XVII—XVIII вв., стр. 178.

¹² В. В. Сиповский й. Русские повести XVII—XVIII вв., стр. 186.